

— Я служила Его Величеству семь лет, прошла с ним через огонь и воду, видела, как он, обливаясь кровью, взошёл на престол, — голос женщины стал отдалённым. — Его Величество очень ценит чувства. Ты заслуживаешь смерти, но он помнит, что вы были знакомы, и потому до сих пор не наказал тебя. Однако, пока ты жив, народный гнев не утихнет, и трон Его Величества останется неустойчивым. Поэтому сегодня я готова взять на себя грех несправедливости ради него.

В прошлом императрица Люй казнила Хань Синя, чтобы укрепить государство. Сегодня эта женщина, видимо, хотела последовать её примеру.

Се Чжань прекрасно понимал, что она имела в виду. Для него сейчас жизнь не приносила радости, а смерть не казалась страшной.

Когда перед ним поставили чашу с вином, настоящим на яде чжэнь, он не сопротивлялся и спокойно выпил его. В глазах женщины он увидел удивление — она явно не ожидала, что он примет смерть так легко.

Когда наступила мучительная боль, в сознании Се Чжаня воцарилась пустота. Ни мыслей, ни воспоминаний.

В жизни есть восемь страданий: рождение, старость, болезнь, смерть, разлука с любимыми, долгая вражда, невозможность достичь желаемого и неспособность отпустить.

Из этих восьми страданий Се Чжань испытал многие.

После смерти, попав в ад, пройдя по дороге Хуанцюань и достигнув моста Найхэ, Се Чжань без колебаний выпил бы суп Мэн По. Для него забвение было лучшим освобождением.

Однако после смерти Се Чжань не встретил ничего из этого. Вокруг царил хаос, и он плыл в этом хаосе. Его душа словно была обёрнута мягкими облаками, такими тёплыми и уютными. Везде витал аромат цветов, словно он попал в рай. Его душа стала ленивой, а радость, казалось, исходила из самых глубин его сердца.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда на него обрушился поток холодного воздуха. Се Чжань внезапно упал с облака, ударившись о грязную землю. Он почувствовал головокружение, а когда пришёл в себя, обнаружил, что лежит в незнакомом месте.

Это была большая комната, обставленная с роскошью и природным благородством, но в этом великолепии чувствовался дух воина. Чуждое место, но с нотками знакомого. Се Чжань вдруг вспомнил: это был дворец, Чертог Тайцзи, резиденция императоров.

Он выпил вино с ядом, разве не должен был умереть? Почему он оказался во дворце? Может, он не умер? В душе Се Чжаня поднялись волнения. Он хотел встать и осмотреться, но обнаружил, что не может пошевелиться. Ему стало странно: он мог видеть всё в комнате, но не видел своего тела.

Се Чжань лежал в оцепенении, когда вдруг дверь открылась. Знакомое, но одновременно чуждое лицо появилось перед его глазами, заставив его вздрогнуть.

Это был двадцативосьмилетний Хуань Линь, новый император, только что взошедший на престол. Они не виделись пять лет. За эти годы Хуань Линь стал более спокойным и зрелым, его черты лица стали более резкими, а глаза — более тёмными и непроницаемыми. На нём лежала печать императорского величия.

Встретившись вновь, они стали такими чужими.

Се Чжань вдруг вспомнил Хуань Линя в пятнадцать лет. Они познакомились тринадцать лет назад. Вся его жизнь длилась всего двадцать восемь лет, и половину из них он был связан с Хуань Линем.

Они встретились, когда обоим было по пятнадцать лет. Хуань Линь, благодаря отцу, рано начал служить в армии. Лагерь, где он находился, был отделён от усадьбы в Восточном предместье, где жил Се Чжань, всего одной горой. Сначала Се Чжань не любил его. Этот подросток был как обезьянка — дразнил его, смеялся над ним. Пятнадцатилетний Хуань Линь был как ребёнок — казалось, у него никогда не заканчивалась энергия, он всегда был бодрым и активным. Иногда Се Чжань удивлялся, откуда у него столько сил. Позже Хуань Линь ворвался в его жизнь, как обезьянка.

Хуань Линь относился к нему хорошо. Иногда он просто упоминал что-то, что ему нравилось, и Хуань Линь верхом на лошади отправлялся за этим за тысячи ли. Пирожные с османтусом из Цзянькана, кисти из волчьей шерсти с севера — Хуань Линь всегда находил их и приносил ему. Чтобы порадовать его, Хуань Линь готов был на всё, даже нашёл для него давно утерянную мелодию «Феникс ищет пару».

Зимой, когда его руки, держащие кисть, покрывались обморожениями, Хуань Линь сначала наносил на них мазь, а затем заворачивал их в свои грубые, покрытые мозолями ладони. Хотя они были одного возраста, Хуань Линь был крупнее. Его руки были больше и полностью охватывали руки Се Чжаня.

Се Чжань никогда не знал, что такое тепло. Сначала он закрылся в себе, холодно смотрел на Хуань Линя, но потом Хуань Линь прорвался через его защиту. Никто не относился к нему хорошо, но когда кто-то искренне заботился о нём, он, как человек, долго бредущий по пустыне и нашедший воду, осторожно ценил это, но одновременно боялся потерять это тепло.

Поэтому, когда Хуань Линь сказал, что любит его, сердце Се Чжаня, долго висевшее в воздухе, наконец успокоилось. В те времена, когда отношения между мужчинами были обычным делом, аристократы часто держали мужчин в качестве наложников. Тогда Се Чжань не думал об этом. Он просто считал, что если они друзья, то у одного человека может быть много друзей, а если они муж и жена, то это только они двое.

Незаметно Се Чжань стал таким жадным.

Те два года, возможно, были самыми счастливыми в его жизни.

Каждый день он ждал чего-то, а Хуань Линь постоянно приносил ему сюрпризы.

Однако тогда Се Чжань не знал, что некоторые вещи лучше никогда не трогать. Иначе, однажды коснувшись их, уже невозможно будет избавиться, и это станет пожизненным адом.

Се Чжань очнулся, инстинктивно потянувшись, чтобы коснуться его, но тут же остановился.

Не думать. Не помнить. Не гневаться. Не держать зла.

Се Чжань не хотел снова видеть Хуань Линя, но не ожидал, что встретит и нового императора, и новую императрицу. Что касается того, что он умер, но не умер, а оказался в Чертоге Тайцзи, у него не было наивных догадок. Лучше думать, что это ещё один заговор, чем предполагать, что Хуань Линь всё ещё испытывает к нему чувства.

Хуань Линь смотрел на него, и Се Чжань смотрел на него.

Внезапно Хуань Линь повернулся, снял широкий халат и сел на стул. Его красивое лицо выражало усталость. Се Чжань никогда не видел его таким. Раньше он всегда видел Хуань Линя, который скрывал свои истинные чувства, а сейчас перед ним был настоящий Хуань Линь.

Се Чжань всё ещё был в замешательстве, почему он оказался в Чертоге Тайцзи. Он открыл рот, чтобы заговорить, но обнаружил, что не может произнести ни слова. Это было не из-за того, что он потерял голос, а словно у него вообще не было такой способности.

Он не мог двигаться, не мог говорить, лежал как истукан в Чертоге Тайцзи. И взгляд Хуань Линя был слишком странным — он смотрел на него не как на живого человека, а как на мёртвый предмет.

Мысль мелькнула в голове Се Чжаня, и он поспешил посмотреть в бронзовое зеркало. Увидев отражение, он замер. В зеркале ничего не было. Се Чжань почувствовал растерянность, а затем в его голове возникла странная мысль: может, он действительно умер, и теперь его дух невидим в зеркале?

Чем больше он думал, тем более вероятным это казалось.

Однако вскоре Се Чжань отверг эту мысль, потому что Хуань Линь подошёл, взял что-то со стола, и тело Се Чжаня поднялось в воздух!

Глядя в зеркало на нефритовую подвеску в руках Хуань Линя, Се Чжань наконец понял правду.

Он действительно умер, но его дух привязался к этой подвеске.

Он превратился в нефритовую подвеску.

Подвеску Хуань Линя.

Даже после смерти он не мог избавиться от этого человека.

Се Чжань не любил мечтать, но единственную свою мечту он связал с Хуань Линем.

Он когда-то хотел быть с Хуань Линем всегда: отправиться с ним на север, отвоевать северные земли, увидеть пейзажи севера, пройти через горы и луга. В те времена Се Чжань постоянно хотел быть с Хуань Линем — из жизни в жизнь, навсегда. Однако это оказалось недостижимой мечтой.

И теперь он действительно будет с ним всегда. Но Се Чжань почувствовал необъяснимую панику.

Хуань Линь повесил подвеску на пояс, и тело Се Чжаня закачалось, прижавшись к крепкому животу Хуань Линя. Тепло тела передалось ему, и настроение Се Чжаня стало странным.

Восемь страданий в буддизме: рождение, старость, болезнь, смерть, разлука с любимыми, долгая вражда, невозможность достичь желаемого, неспособность отпустить.